А. В. Лозовский

УДК 811.161.1'37

Кафедра психологии, факультет философии и социальных наук,
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕГАТИВНОЙ КОННОТАЦИИ ТЕРМИНА «ПРОВОКАЦИЯ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье исследуются причины, по которым термин «провокация» в контексте русского языка стал синонимичен термину «подстрекательство». Рассматривается концепция «провокации как стимула к развитию для провоцируемого» в контексте психологии и педагогики.

Ключевые слова: провокация, провокатор, Российская империя, СССР, провокативность.

Образец цитирования: *Лозовский А. В.* История возникновения негативной коннотации термина «провокация» в русском языке // София: электрон. науч.-просветит. журн. 2018. № 2. С. 8–12.

A. Lazouski

Department of psychology, faculty of philosophy and social sciences,
Belarusian State University, Minsk, Belarus

HISTORY OF OCCURRENCE OF NEGATIVE CONNOTATIONS OF THE TERM «PROVOCATION» IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The article examines the reasons why the term «provocation» has become synonymous with the term «instigation» in the context of the Russian language. The concept of «provocation as an incentive for development for the object of provocation» is considered in the context of psychology and pedagogy.

Keywords: provocation, provocateur, Russian empire, USSR, provocativeness.

For citation: Lazouski, A. (2018). History of occurrence of negative connotations of the term «provocation» in the Russian language. *Sophia*, 2, 8–12 (in Russ.).

Автор:

Александр Валерьевич Лозовский – преподаватель, аспирант кафедры психологии факультета философии и социальных наук БГУ.
lozovskiy.1992@mail.ru

Author:

Aliaksandr Lazouski – lecturer, postgraduate student of the department of psychology of the faculty of philosophy and social science, BSU.

Термин «провокация» произошел от латинского термина «provocatio», который в прямом переводе обозначает «вызов» [21, с. 829]. Согласно определению культуролога Т. Шеметовой, «в общем смысле провокация – это некое развернутое во времени действие субъекта-провокатора (или субъектов), которое направлено на объект (объекты) провокации с целью вызывать определенную реакцию». При этом Т. Шеметова указывает, что ни в латинском словаре, ни в словарях европейских языков провокация

«не трактуется как что-то негативное, ведущее к деструктивному поведению с целью причинить заведомый вред». Тем не менее, «в толковых словарях русского языка на первое место ставится именно негативное, деструктивное значение этого слова». Автор упоминает, что в русском языке термин «провокация» приобрел негативный оттенок в связи с деятельностью «революционного движения в России, которое привело к двум революциям в 1905 и 1917 годах» [19, с. 12–13].

Проведенное нами исследование возникновения негативной коннотации термина «провокация» выявило, что в конце первого десятилетия XX в. он действительно использовался в кругах революционеров, выступавших против действий правительства Российской империи. Как следует из стенограммы речи государственного деятеля П. Столыпина, произнесенной в 1909 г., революционеры изначально употребляли термин «провокация» в негативном контексте, называя «провокаторами» тех участников революционного движения, которые «доставляли сведения» о деятельности этого движения правительству (в их число входили изменники и государственные разведчики, внедренные в закрытые революционные сообщества; в данном контексте термин «провокатор» является синонимом термина «предатель») [15, с. 189–190]. В мемуарах генерал-майора жандармерии А. Спиридовича также упоминается о том, что «члены революционных организаций, которые по тем или иным побуждениям давали политической полиции сведения о деятельности своих организаций… назывались у политической полиции „сотрудниками“, у своих же шли под именем „провокаторов“» [14, с. 44].

Данное значение термина «провокация» зафиксировано в одном из определений толкового словаря Д. Ушакова (1939 г.): «система борьбы господствующего класса с революционным движением, состоящая в том, что политическая полиция засылает в ряды революционных организаций… своих тайных агентов». Еще одно определение описывает провокацию как «подстрекательство с какой-нибудь целью» или «умышленный вызов». Термин «провокатор» при этом обозначает «тайного агента политического сыска… применяющего провокацию» либо «подстрекателя на что-либо запретное, дурное» [11, с. 906–907].

Судя по всему, термин «провокация» и его производные вошли в лексикон деятелей дореволюционной – в т. ч. правительственной – русскоязычной прессы главным образом в связи с широким освещением «дела Азефа» в 1908–1909 гг., в рамках которого выяснилось, что руководитель «Боевой организации эсеров» Е. Азеф является также агентом «Охранного отделения» и регулярно передает информацию о планах мятежников полиции Российской империи [15, с. 190; 14, с. 47]. В течение следующих восьми лет новое слово стало все чаще появляться не только на страницах подпольных антиправительственных изданий («Правда» [8, с. 82–84]), но также в правительственной («Известия ВГС» [12]) и независимой новостной прессе («Сибирская жизнь» [16]).

В 1910–1920 гг. набирающий популярность термин стал встречаться не только в дискурсе революционеров, но и в проправительственном дискурсе. В связи с этим семантические границы слова «провокация» стали постепенно размываться, и в результате оно превратилось практически в ругательное. На чьей бы стороне ни находился говорящий, он мог назвать «провокатором» любого человека, чьи высказывания либо действия противоречили его политической позиции. Зачастую модное слово и вовсе могли употреблять невпопад – например, использовать термин «провокация» вместо термина «дезинформация» («Все члены семьи и сам Николай Романов живы

и все сведения о его убийстве и т. д. – провокация» [12]), а термин «провокационный» употреблять вместо термина «возмутительный» («Слух об убийстве бывшего царя Николая Романова есть очередная провокационная ложь» [16]). Нарастающую популярность слова, теряющего исходный смысл и превращающегося в ругательство, отмечали в том числе непосредственные свидетели этого процесса; к примеру, автор заметки в газете «Правда» от 9 мая 1917 г., высмеивая генералов А. Брусилова и В. Гурко, саркастически сообщает: «…Когда нужно что-либо опорочить, неразборчиво повторяй одно слово: „провокация“, и, загипнотизировав этим словом неразбирающихся людей, ты можешь достичь успеха» [9, с. 215].

Несмотря на это едкое замечание, термин «провокация» продолжал активно появляться в том числе в пролетарских газетах; иногда публицисты даже использовали его в нескольких предложениях подряд. К примеру, неизвестный автор заметки «Провокация» в газете «Рабочий и солдат» от 23 июля 1917 г. сообщает следующее: «Явные и тайные наши враги, враги пролетариата и всей демократии, бросают семена ядовитой лжи и гнусной провокации. Они старались расстроить ряды демонстрантов 4 июля провокационными выстрелами. Они потом открывали провокационную стрельбу по солдатам, прибывающим в Петроград с фронта» (термин «провокация» в данном случае указывает в первую очередь на возмущение автора в результате враждебных и фрустрирующих действий противника) [10, с. 6]. В газете «Пролетарий» от 2 сентября 1917 г. неизвестный автор утверждает: «В то время как неведомые лица, близкие к командному составу, время от времени пускают в общество вымышленные известия о предательстве солдат, – у солдат, наоборот… возникает недоверие к офицерам… В армии гнездится чудовищная провокация, в этом нет никаких сомнений» (в этом случае термин «провокация» в той или иной степени синонимичен терминам «диверсия», «саботаж», «заговор» и указывает на попытку искусственно вызвать конфликт в некой группе, посеяв среди ее членов беспокойство, возмущение и взаимное недоверие) [10, с. 262].

В 1920–1930 гг. термин «провокация» продолжает регулярно обнаруживаться теперь уже в советской прессе (к примеру, в газете «Правда» [6, с. 2]), при этом за ним также сохраняется негативная коннотация. Отметим, что в работе «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», изданной в 1938 г. под руководством советского правительства – и, следовательно, задающей тон всей прессе, выходившей в СССР в данный период, – термины «провокатор» и его производные в зависимости от контекста оказываются синонимичны терминам «предатель» или «подлец» и их производным (каждый из трех терминов, включая производные, употребляется в тексте публикации примерно с одинаковой частотой, и в ее контексте они обычно оказываются взаимозаменяемыми). При этом термин «провокатор» в рамках данного текста является более эмоционально экспрессивным, чем термин «предатель» – в отличие от последнего, он не только констатирует, но и порицает «предательство»[1] [4]. Отметим также, что в 1920–1930 гг. обретший популярность среди литераторов термин «провокация» стал появляться в эмигрантской (зачастую антисоветской) русскоязычной прессе – к примеру,

[1] К примеру: «подлые иуды-провокаторы, которых царская охранка засылала в рабочие и партийные организации, шпионили изнутри и предавали революционеров»; «английские консерваторы… организовали провокационный налет на „Аркос“»; «СССР не поддался нажиму и легко отбросил прочь провокационные наскоки империалистов», «провокаторские попытки срыва брестского мира» [4, с. 96, 269, 270, 331].

в журналах «Голос минувшего на чужой стороне», «Новый град», «Третья Россия», «Русский временник» [2, с. 143–156; 18, с. 84–85; 13, с. 19–21; 1, с. 31–32].

Несмотря на то, что в последующие годы существования СССР слово «провокация» стало реже использоваться деятелями русскоязычной прессы, негативная коннотация, тесно ассоциировавшаяся с ним в общественном сознании, не пропала – к примеру, даже в рамках дискурса современных русскоязычных СМИ понятие «провокации» в большинстве случаев продолжает употребляться в негативном контексте. Так, в июне 2018 г. журналисты новостного веб-ресурса «Настоящее время» отметили, что российские политики стали активно использовать данный термин для того, чтобы «объяснить внутренней аудитории, почему те или иные обвинения в их адрес беспочвенны» [20]. Проведенный нами анализ представленных сайтом текстовых фрагментов показывает, что термин «провокация» в данном контексте в большинстве случаев указывает на «злонамеренную попытку нанести вред имиджу правительства» (поскольку, как утверждают спикеры, сами «провокации» намеренно организуются зарубежными либо «внутренними» политическими конкурентами).

Анализ содержания толковых словарей русского языка, вышедших в период с 1998 по 2018 гг., также указывает, что в современном лексиконе термин «провокация» по умолчанию обладает негативной коннотацией. К примеру, в словарях Л. Бабенко (1999), Т. Ефремовой (2000), С. Кузнецова (2000), Т. Егоровой (2014) данное понятие описывается как синонимичное понятию «подстрекать» и указывает на ущерб, который понесет провоцируемый в случае успеха провокации. Характерно, что таким же образом оно характеризовалось в словаре С. Ожегова, первое издание которого вышло в 1949 г. Таким образом, словарное определение термина «провокация» и сопутствующая ему негативная коннотация оказались практически одинаковыми как в середине XX в., так и в начале XXI в.

Несмотря на данное обстоятельство, в контексте русскоязычной научной литературы понятие провокации обычно обладает нейтральной коннотацией. Начиная с первой половины 2000-х гг. ряд русскоязычных исследователей начинает рассматривать метод провокации в качестве эффективного способа позитивного стимулирующего воздействия на провоцируемого.

Для того, чтобы избавиться от негативной коннотации, исторически закрепившейся за понятием «провокационности», русскоязычные последователи популярного в 2000-х гг. психотерапевтического метода «provocative therapy» Ф. Фаррелли ввели в свой лексикон понятие «провокативности», начав называть себя «провокативными терапевтами» [17]. В 2005 г. психолог Е. Морозова интегрировала понятие «провокативности» в социальную психологию, разработав концепцию, в рамках которой провокация рассматривается в качестве психологического воздействия, являющегося для провоцируемого «катализатором развития» и обладающего «стимулирующим потенциалом» (к примеру, произведение искусства способно «спровоцировать» реципиента на размышления, которые в конечном итоге могут преобразить саму его личность) [5, с. 19–21].

В 2006 г. российский педагог и психолог А. Енин предложил концепцию «провокативной педагогики», в контексте которой провокация рассматривается как педагогический прием, побуждающий ученика к принятию самостоятельных решений, независимому креативному мышлению и самостоятельному изучению предлагаемой преподавателем темы [3]. Схожая идея встречается в работах белорусского психолога А. Полонникова, выдвинувшего концепцию «педагога как трикстера» [7, с. 276–283].

Таким образом, существует вероятность, что в будущем понятие «провокации» сможет избавиться от исключительно негативной коннотации, исторически закрепившейся за ним в русском языке, за счет использования методов конструктивной провокации специалистами в области психотерапии, психологии и педагогики.

Литература

1. *Дабужин А.* В России и эмиграции // Русский временник. 1938. № 2. С. 12–23.

2. *Делевский Ю.* Дело Азефа и «семеро повешенных» // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 3. С. 121–156.

3. *Енин А. В.* Психология «Провокативной педагогики»: некоторые аспекты теории и методики // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 2009. № 20. С. 252–255.

4. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП (б). Москва: Правда, 1938. 352 с.

5. *Морозова Е. А.* Социально-психологическое исследование художественной провокативности (на примере современного авангардного искусства): дис. … канд. психол. наук: 19.00.05. М., 2005. 257 с.

6. От имени 300 тысяч инженеров и техников Советского Союза (Обращение пленума ВМБИТ) // Правда. 1930. № 332. С. 2.

7. *Полонников А. А.* Дискурс-анализ событий образования. Критическое исследование. Минск: БГУ, 2013. 343 с.

8. Правда: №№ 1–227. 1917 г.: в 7 вып. / под общ. ред. К. С. Еремеева [и др.]. Ленинград: Прибой, 1927. Вып. 1: №№ 1–22. С. 82–84.

9. Правда: №№ 1–227. 1917 г.: в 7 вып. / под общ. ред. К. С. Еремеева [и др.]. Ленинград: Прибой, 1928. Вып. 2: №№ 23–45. С. 215–216.

10. Правда: №№ 1–227. 1917 г.: в 7 вып. / под общ. ред. К. С. Еремеева [и др.]. Ленинград: Прибой, 1929. Вып. 5: Рабочий и солдат №№ 1–15, Пролетарий №№ 1–10, Рабочий №№ 1–12 (выходили вместо закрытой «Правды»). С. 6.

11. Провокация // Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Д. Н. Ушаков [и др.]; под ред. Б. М. Волина, Д. Н. Ушакова. Москва, 1939. Т. 3: П–Ряшка. С. 906–907.

12. Слухи об убийстве Николая Романова провокация // Изв. Вологодского Губернского Совдепа. 1918. № 135. С. 2.

13. *Смирнов П.* Идеологическая провокация против большевизанства // Третья Россия. 1932. № 2. С. 30–33.

14. *Спиридович А. И.* Записки жандарма / Харьков: Пролетарий, 1928. 268 с.

15. *Столыпин П. А.* Речь о деле Азефа, произнесенная в Государственной Думе 11 февраля 1909 года, в ответ на запросы № 51, 52 // Нам нужна великая Россия…: полн. собр. речей в Гос. думе и Гос. совете, 1906–1911 гг. / П. А. Столыпин; ред. Ю. Г. Фельштинский. Москва, 1991. С. 188–207.

16. Убит ли Николай Романов // Сибирская жизнь. 1918. № 62. С. 3.

17. *Фаррелли Ф., Брандсма Д.* Провокативная терапия / Екатеринбург: Е-Принт, 2012. 320 с.

18. *Федотов Г.* Война с востока // Новый град. 1932. № 3. С. 83–86.

19. *Шеметова Т. Н.* Искусство провокации и идеальный провокатор // Обсерватория культуры. 2014. № 1. С. 11–17.

20. Это провокация! // Настоящее время. URL: http://www.currenttime.tv/a/this-is-provokatsia/29266087.html (дата обращения: 02. 10. 2018).

21. Provocatio // Латинско-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий. Москва: Рус. яз., 1976. С. 829.